

ЛЮБОВЬ ЧИКАНОВА

“СЛАВЯНКИ” ПРОЩАЛЬНЫЕ ЗВУКИ

* * *

Над пьяным голосом бабы,
Романс затянувшим слёзный,
Над веткой от тяжести слабой
Зажгутся холодные звёзды.

Над садом, над кладбищем старым,
Над сонной коровой в хлеве,
Над каждой травинкою малой,
Над каждою птахой в небе.

Я вижу их в чёрном небе
В своём нескончаемом беге.
Махну им приветной рукой.
Горите всю светила!
Над тем, что музыкой было,
Над русской заветной страной.

ЧИКАНОВА Любовь родилась в 1972 году в крестьянской семье в деревне Поспелиха Алтайского края, где прошло её детство и отрочество. Именно там были написаны её первые стихотворения. В настоящее время окончила Литинститут им. Горького (семинар Ст. Куняева). Живёт в Москве. Это — её первая серьёзная публикация.

ОСЕНЬ

В поле пела и плясала рожь.
В поле — рыжая лисица.
А теперь над ним шаманит дождь,
В серое жнивье стучится.

Всё беднее в небе и полях.
Всё серее и печальней вечер.
Всё чернее избы в деревнях, —
Кровли не выдерживают течи.

Подставляем плошки и тазы,
Сырость разводить зачем с тобою.
Ты мне спой, как лошадь под уздцы
Вёл казак напиться к водопою.

Ты на поле с грустью не смотри.
Поле отцвело и отшумело.
В отсыревших пролежнях зари
Рыжее перо в полях дотлело.

* * *

На русском севере я церковь вижу чаще,
Чем там, где родилась. Там степь, ковыль
И выжженная мелкая полынь,
Когда идёшь за выселками дальше
К родным могилам, там тебя встречают.
А выселки живут своею жизнью.
В полуразрушенных хибарах люди
Живут: цыгане, что торгуют, чем придётся,
На рынке, спившиеся доходяги
И обыватели живут при огородах,
Которым жизнь не дала лучшей доли.
Но всё же я люблю печальные места.
Они подходят к нашему жилью,
Как будто нам напоминая снова,
Что рядом с каждым ходит тень его
И станет им, когда настанет час,
И в головах вобьют крест деревянный,
Что встанет, словно корабельный парус,
И будут биться ленточки тугие,
Как ленты на матросской бескозырке,
Пока дожди не смоят лживых слов,
Пока ветра не выбелят цветов фальшивых,
Пока ещё ты ходишь где-то рядом,
Так близко, что боясь тебя, — лишь тени, —
Во сне страшатся видеть...
Я знаю там, скучать я по-земному буду
Над всем, что было или не было моим.
Цветёт полынь полуживая — сорви её, сорви...
Я слышу ветер, он проник в пустые стены,
Он старую качает липу рядом,
Он там под куполом высоко в церкви
Седые бороды трясёт пророкам
И гонит бледные по небу тучи,
И песни рвёт у ангелов из горла.

А я, закинув голову, лишь вижу,
Что здесь они ведут себя, как умершие дети.
И с каждым годом тише и печальней,
Они так смотрят на вошедших в церковь,
На снег в раскрытых ставнях, на далёкий лес,
Где долго осенью горит осинник красный...

* * *

Гость показывает фото.
Вот Италии холмы
В пурпур, в смальту, в позолоту,
Словно в сон, погружены.
Но в окне я вижу — бедный
Для сравнения образец:
Дым белесовато-бледный,
Холод русский, наконец.
В завершении творенья
Не спрашивай творца.
Теплоты и откровенья,
Как под занавес гонца,
И не жди, но, может, здесь и
Всё сойдётся к одному —
Русские холмы и степи,
Не подвластные уму,
И, конечно, дым над хатой,
За широким лесом лес,
Спор князей, поход на брата,
Снег накроет, мой творец.
Так молился бедный старец
Испокон веков уже
По святой Руси в пожаре,
По загубленной душе,
Бьёт земле поклон последний.
Что же ты молчишь, душа?
Красотой суровой, бедной
Из окна поражена.

* * *

Славянки прощальные звуки над южным вокзалом
Мне сердце встревожат, печальнее музыки нет.
В теплушках, храбрысь, молодняк заводского Урала
На плечи набросит шинели на вырост, на смерть.

Так, что же, курортником сидя в плацкартном вагоне
Так трубы встревожат, слезу рукавом я утру.
Прощай же, славянка, не плачь на гудящем перроне.
И здравствуй, славянка, в России я буду к утру.

За мутным стеклом, протирая глаза, я увижу,
Разбужена ранним попутчиком в красном Орле,
На станции рдеет рябина, всё ярче и ближе.
Я болью встревожена или виной, что на мне.

Я вспомню скалистого берега узкие тропы.
“Прости” и “прощай” на солёном приморском ветру...
О счастье кричал попугай, без труда и заботы,
Так глупый заврался, что я никогда не умру.

А я не умру, когда запах полыни медвяней.
Люблю георгинов мятущийся дух в сентябре,
И поздних цветов красоту, чертыханья в бурьяне,
И трепет огней на мелеющей чёрной воде.

Взволнована встречей, в родные просторы я введу.
За синей оградой солдат с побелённым лицом.
Кивая ему, пью за русский народ, за победу,
А утренник клёны уже обжигает огнём.

* * *

Когда утопленница выплывала в вечность,
И травы озера вплетались в космы сбитых
Волос, то здесь не ubyло и часа,
Как к девочке отец бросался с берега реки.
Отец рыбак, улов твой — дочь сегодня.
О чём мечтала девочка, глядела в глубь воды,
Зачем высок обрыв над речкою холодной,
Зачем печально тянется река змеёй
И вымывает берега речные,
Так думала или не так, ну разве важно?
Тупое, цельно скроенное пальтецо
Конца советской бронзовой эпохи
Сидело, как мешок на ней.
Готовое к труду, как говорят, и к обороне.
Раскройся парашютным куполом,
Спасай, родившуюся для войны
С самой собой. Костры осенние
И георгины яркие тугие, лица
Чужие вдруг поплыли кругом по воде.
Вода охватывала, больно целовала.
Так сладко больше не бывало никогда,
Так смерть не подходила близко,
И губ её и тела не касалась.
Так крепко были сбиты руки
Речной воды, и яблоком, и дымом
Осенний воздух пах, полынью
Степной. Так вот, чем пахнет смерть,
И вот чем пахнет жизнь — единым.
И поняла она тогда, что причастилась
Такому таинству, которого страшатся
И только потерявшие рассудок, смело
Вдыхают жизнь, а выдыхают смерть.